

Глава 1

Май 1940

ИНЕС

Дорога на юго-запад от Реймса, по которой мчалась Инес Шово, вилась над пышными виноградниками Шампани. Сверкающий черный си-троен взметал клубы пыли, а ветер яростно трепал каштановые волосы Инес. Стоял май, и лозы уже пробуждались, почки, как крошечные кулачки, тянулись к солнцу. Через несколько недель виноградники зацветут, и к сентябрю грозди — бледно-зеленого «шардоне», чернильного «пино-менье», подернутого сизым налетом «пино-нуар» — нальются и созреют.

Но увидит ли это Инес? А остальные? Она поехала, тормозя на повороте к дому. Двигатель возмущенно зарычал. Мишель наверняка попрекнет ее, что опять она ездит слишком быстро, слишком опрометчиво, — сам он всегда такой осторожный.

Они поженились в прошлом июне, и с того момента Инес не могла вспомнить ни дня, когда бы Мишель ее в чем-нибудь мягко не упрекнул.

Я, — говорил он, — просто присматриваю за тобой, Инес. Это то, что должен делать муж. В последнее время Мишеля все больше тревожили немцы, которые засели прямо за линией Мажино — сплошной цепью укреплений, выстроенной вдоль границы для защиты Франции от хаоса, охватившего остальную Европу. *Мы, заставшие Великую войну, понимаем, что немцы — это серьезно, —* повторял он каждый день, хотя ему было всего четыре, когда отгремели последние бои и немцы оставили департамент Марну, успев сровнять с землей большую часть города Реймс.

Инес, которая была моложе Мишеля на шесть лет, в 1918 году еще не родилась. Но отец много говорил о войне, особенно выпив, и при этом стучал кулаком по столу, так что Инес опасливо отходила в сторону.

Бошам верить нельзя! Никогда! — Инес до сих пор слышала его низкий, хрипловатый голос, хотя отец умер много лет назад. — *Они прикидываются друзьями Франции, но верить им могут только дураки.*

Нет, дурой Инес не была. И теперь сообщит такую весть, которая переменит все. Ненадолго ее охватило легкое торжество, но, едва въехав в Виль-Домманж, она устыдилась своей мелочности: молчаливо возвышающаяся над деревней мрачная семисотлетняя часовня Сен-Лиэ, казалось, глядела с упреком. Ведь речь не о том, кто прав, а кто нет, — о войне. О смерти. О крови молодых парней, уже пропитавшей собой землю в лесах на северо-востоке. Обо всем, что предсказывал ее муж.

Инес проехала через ворота, резко затормозила перед двухэтажным каменным шато, выскочила из машины и помчалась к двери, ведущей в обширную сеть подземных погребов.

— Мишель! — закричала она, сбегая вниз по каменной лестнице. Сырой прохладный воздух плеснул ей в лицо, как вода из ведра. — Мишель! — Ее голос эхом отозвался в запутанном лабиринте коридоров, которые три четверти века назад проложил в меловой толще эксцентричный прадед ее мужа. Вдоль каждого лежали на боку тысячи бутылок шампанского, ожидая часа, когда бесчисленные пузырьки устремятся вверх.

— Инес? — откликнулся откуда-то из глубины встревоженный голос Мишеля. Послышались шаги, и из-за угла появился Мишель, а за ним Тео Лоран, *chef de cave*, главный винодел «Мезон-Шово». — Дорогая, что случилось? — Мишель бросился к Инес, положил руки ей на плечи, вглядываясь в лицо: — С тобой все в порядке, Инес?

— Нет. — Только сейчас она заметила, как тяжело дышит от тревожных новостей, быстрой езды и стремительного спуска в холодный подвал. — Нет, Мишель. Ничего не в порядке.

— Что случилось? — спросил он.

Тео, невозмутимый, как всегда, молча смотрел на Инес.

— Началось, — только и сумела она выговорить. — Вторжение, Мишель. Немцы идут!

В сыром воздухе повисла тяжелая тишина. Сколько времени пройдет, прежде чем тишину подвалов нарушит стук сапог, печатающих строевой шаг? Прежде чем все, что они построили, окажется под угрозой и, возможно, будет разрушено?

— Ну, что же, — сказал, наконец, Мишель. — Думаю, довольно прятать шампанское.

Глава 2

Июнь 2019

ЛИВ

Левая кисть стала точно голая. Именно это ощущала Лив Кент, глядя на свой палец, на котором прежде, последние двенадцать лет красовалось обручальное кольцо. И хотя Лив сняла его три месяца назад, через пять недель после того, как Эрик объявил, что уходит и хотел бы поскорее завершить все формальности, но временами снова поражалась отсутствию предмета, который, как ей казалось, будет при ней всегда. Впрочем, она так думала и о многих других вещах.

— Спасибо, что ты так сдержанно реагируешь, — сказал Эрик, внося в ее маленькую двухкомнатную квартиру последнюю коробку с их общими вещами.

Лив переехала сюда, расставшись с Эриком, и ей было странно, что он здесь, что помогает заполнить пространство, которое никогда не будет ему принадлежать. Одна ее часть хотела крикнуть ему, чтобы убрался вон, а другая, за которую было ужасно

стыдно, — просить его остаться. Их брак распался настолько стремительно, что, казалось, земля разверзлась у нее под ногами.

— Сдержанно? — повторила она.

Взгляд Эрика блуждал по квартире, где Лив расставила их когда-то общую мебель, и задержался на выдавшем виды кожаном диване, который теперь утвердился на новом месте. Лив вспомнила, как они его покупали, и подумала, что Эрик тоже вспоминает, как они тогда поругались из-за его дороговизны, а потом вместе упали на новые твердокаменные подушки и помирились, потные и утонувшие друг в друге. Хотя с тем же успехом он мог думать, как здорово начать новую жизнь с чистого листа, без вещей из общего с Лив прошлого.

Эрик вновь посмотрел на Лив.

— Я просто хочу сказать, что знаю, как нелегко это тебе далось. — Он мрачно изобразил сочувствие, что вызвало у Лив раздражение, — все лучше, чем горе, которое бушевало внутри, как смерч, с самого утра, когда они подписали документы о разводе. — Мне правда жаль, что все так обернулось, Лив, но мы просто стремились к разному.

В ответ Лив сумела выдать лишь неопределенное «м-м-м».

— Я хочу для тебя только самого лучшего. Ты ведь это знаешь, да? Я всегда буду о тебе заботиться.

— Правда, чуть-чуть меньше, чем о себе, — не сдержалась Лив. — Или о своей новой подруге.

— Лив, не сердись. — Эрик вздохнул, поставил коробку на пол и отряхнул руки. — Мне хочется верить, что когда-нибудь мы даже сможем быть друзьями.

Лив фыркнула, и лоб Эрика собрался в раздраженные складки. Старательно подобранная сочувственная мина не продержалась и мига, открыв того человека, который за ней прятался, того, кто, что бы между ними ни случилось, неизменно винил в этом Лив. Она мечтала о ребенке, о счастливой семье, и Эрик, казалось, тоже этого хотел. Но через год с чем-то, после череды разочарований, у Лив обнаружили первичную недостаточность яичников. Они сделали три попытки ЭКО донорских яйцеклеток, а потом Эрик внезапно объявил, что с него хватит, — и попыток зачать ребенка, и вечно печальной Лив, и этого брака. Как выяснилось, он тогда уже встречался с двадцатичетырехлетней коллегой по имени Анемон. Они вместе работали в ресторанах Бергмана: Эрик менеджером, Анемон — помощницей по административным вопросам.

— Друзьями? — отозвалась Лив. — Ну, да. Может быть, назначим день и будем раз в неделю ужинать все втроем — ты, я и твоя подружка? Так уютно.

— Лив, понимаю, ты сердишься. Но Анемон не виновата, просто мы с тобой переросли друг друга. Все равно нам не судьба оставаться дальше вместе.

— А тебе судьба уйти к миллениалке-веганке, которую родители-хиппи назвали в честь медузы?

— На самом деле морские анемоны — это актинии, — поправил Эрик, стараясь не встречаться глазами с Лив. — Что тут скажешь? — Он с преувеличенной беспомощностью пожал плечами. — Она меня принимает.

— Принимает — а за кого? За ходячий штамп? За воплощение кризиса среднего возраста? За человека,

которому и она когда-нибудь станет неудобна, как я сейчас? И тогда ты тоже пообещаешь о ней позаботиться?

Эрик вздохнул. В его глазах читалась жалость, и это еще больше злило Лив.

— Признайся честно, Лив. Разве ты еще любила меня, когда мы расстались?

Она не ответила. Как ему объяснить, что, если бы он дал ей шанс, она любила бы его вечно? Так, как поклялась в день свадьбы. Да, под конец ей в нем многое не нравилось, но Лив была готова переступить через себя, чтобы они снова стали единым целым, как когда-то. Ее родителям этого не удалось: отец умер, когда она была совсем маленькой, а мать с тех пор крутила роман за романом. Лив дала себе слово, что свою жизнь построит иначе, — но, быть может, мы обречены, даже сознавая ошибки предков, все равно их повторять.

На самом деле Эрик, похоже, прав. Они не пара. Может, никогда ею и не были. Пожалуй, для них и правда лучше расстаться и дальше каждому идти своей дорогой. Но Лив не покидало чувство, что Эрик предал ее именно тогда, когда она сильнее всего в нем нуждалась.

Молчание затянулось, и Эрик заговорил снова:

— Что ты собираешься делать? Думаешь вернуться на работу? Если нужно рекомендательное письмо, скажи, я сделаю.

Лив закусила губу, почти ненавидя его за этот жалостливый взгляд. Не сам ли он год назад предложил ей уволиться с поста вице-президента по маркетингу в «Бергмане», где они познакомились пятнадцатью

годами раньше. Полтора десятилетия они работали бок о бок, параллельно поднимаясь по карьерной лестнице, он — как финансист, она — как маркетолог. Идеальная звездная пара. Была.

Послушай, — сказал он в прошлом июне, — *после того как мы в третий раз сделаем ЭКО, может, тебе остаться дома и целиком сосредоточиться на этом? Ты ведь все равно захочешь взять отпуск по уходу за ребенком, когда он появится?* Она согласилась, хоть и скрепя сердце, но теперь видела, что совершила ошибку. Эрик сделал первый шаг к тому, чтобы вытолкать ее за дверь ее собственной жизни. В итоге, когда все рухнуло, у нее не осталось ничего — ни ребенка, ни мужа, ни работы, ни сбережений. Ни единой опоры.

— Подумаю, — пробормотала она.

— Во всяком случае, у тебя есть бабушка. — Губы Эрика дернулись. — Она же тебе наверняка поможет, я прав?

— Она очень щедрая, — сухо сказала Лив. — И, думаю, понимает, что дала мне плохой совет.

Бабушка Эдит — эксцентричная богачка, мать ее отца, жившая в Париже, — настояла на брачном контракте для Лив, по условиям которого при расторжении брака ни один из супругов не имел прав на имущество, возникшее у другого. Целью этого, очевидно, было помешать Эрику в будущем завладеть наследством Лив, но, поскольку бабушка Эдит находилась в добром здравии, а доходы Эрика исчислялись шестизначными цифрами, в то время как Лив сидела без работы, документ теперь казался безумной ошибкой. По крайней мере, бабушка Эдит

предложила внучке заплатить за квартиру, пока та будет разбираться, как ей жить дальше, но Эрику не следовало лишний раз об этом упоминать — Лив и так чувствовала себя виноватой, что взяла деньги.

— А тогда была совершенно уверена, что так и надо. — Эрик хмыкнул. — Ладно, Лив, мне пора назад в офис. Но если тебе что-нибудь понадобится, дай знать, ладно? Думаю, мы еще увидимся.

Он не ждал ответа и вышел не оглянувшись. Закрывая за ним дверь, Лив почувствовала, что наконец закрывает за собой прошлое и делает шаг в неизвестность.

Спустя час Лив все-таки набралась смелости, чтобы открыть последнюю из коробок, привезенных Эриком. Когда она разрежала ленту, подняла клапаны и поняла, что там, это было как удар под дых. Внутри лежал их свадебный альбом и две коробки из-под обуви, заполненные фотографиями из их совместной жизни, — фотографиями, которые для Эрика, очевидно, больше ничего не значили. Она пролистала верхние — медовый месяц, пляж на Мауи, они с Эриком, сияющие, с коктейлями в кокосовых скорлупках в руках, смотрят друг на друга, — и, сунув их обратно в коробку, отошла прочь, как будто само нахождение рядом с этими снимками было мучительно.

И тут раздался резкий стук в дверь. Лив подняла голову. Она никого не ожидала, а свой новый адрес дала очень немногим. Все ее друзья тоже работали в «Бергмане» и, после того как она в прошлом году уволилась, перестали выходить на связь. Что

дополнительно усилило у Лив ощущение, что она вычеркнута из собственной жизни. Неужели Эрик вернулся, чтобы избавиться от еще одной коробки воспоминаний? Лив решила не подходить к двери, не хотелось снова с ним встречаться, но стук повторился, еще громче и настойчивее.

Когда она встала и заглянула в глазок, то пришлось несколько раз сморгнуть. В тускло освещенном холле стояла ее бодренькая девяностодевятiletняя бабушка с тщательно уложенными в пучок белоснежными волосами, в элегантном сером твидовом жакете от Шанель и безупречно отутюженных черных брюках.

— Бабушка Эдит? — Все еще не веря своим глазам, Лив открыла дверь.

— Что такое, Оливия, что я вижу! — Старуха поджала губы, ее тонкие брови нахмурились. — Право, как ты одеваешься без моего присмотра? — Колкость, завернутая в бабушкин мягкий французский акцент, прозвучала почти как комплимент. — Неужели я ничему тебя не научила?

— Э-э, ты так неожиданно. — Лив покосилась на свои рваные джинсы и заношенный свитшот, в которые она переделалась после ухода Эрика: идеальная одежда, чтобы хандрить в одиночестве. — Я *должна* была тебя ждать?

— Так я же здесь, верно?

— Но... что ты делаешь в Нью-Йорке?

Последний раз Лив разговаривала с бабушкой Эдит всего три дня назад: бабушка настоятельно требовала сообщить ей, какого числа они расторгнут брак, но ни словом не обмолвилась, что едет в Нью-Йорк. Хотя трансатлантический перелет, особенно

учитывая бабушкин возраст, определенно заслуживал хотя бы упоминания.

— Я приехала за тобой, разумеется. Ты собираешься меня впустить? Мне до смерти хочется мартини. И не смей говорить, что у тебя кончился джин, — или ты мне больше не внучка.

— Ну нет, — сказала Лив. — То есть да. У меня есть джин. — Она осторожно посторонилась, пропускающая бабушку, и та величаво прошествовала в квартиру. Отчего они с ней никогда не обнимутся, как нормальные люди?

— *D'accord*¹, — бросила бабушка через плечо. — А оливки с голубым сыром найдутся?

Лив прошла за ней внутрь, заперла дверь и только тогда заметила, что у бабушки при себе только знакомая сумка «Келли».

— Бабушка Эдит, а где твой багаж?

— Или, в крайнем случае, оливки с чесноком. — Вопрос Лив остался без ответа.

— Э-э, по-моему, у меня только обычные.

Бабушка Эдит поворчала, устраиваясь на диване в гостиной Лив, но, похоже, смирилась, и Лив молча приготовила напиток. Это была ее обязанность с девяти лет. Влить изрядную дозу джина, плеснуть чуть-чуть сухого вермута, добавить несколько капель рассола из-под оливок, встряхнуть со льдом и процедить.

— Оливия, — заметила вместо благодарности бабушка Эдит, получая свой мартини, — тебе следовало предварительно охладить бокал. — А сама не выпьешь?

---

¹ Ладно (*фр.*).